

Известия. Москва. 1923г. 19 мая

Е. К. Лешковская.

Малый театр. Вечер 35-летнего юбилея сценической деятельности Елены Константиновны Лешковской: «На всякого мудреца довольно простоты».

Когда в 3-м акте старик Крутицкий, нагнувшись к старухе Турусиной, говорит ей фразы, вспоминая о прошлом, о молодости, весь зрительный зал явственно видел, как дрожали руки у взволнованной Лешковской, как потерял свою обычную актерскую выдержку Южин.

Эта минута передалась публике. Она ее почувствовала. В этом была слеза. Это было сентиментально. Но это было.

* * *

Тридцать пять лет тому назад, на этой же сцене, в пьесе того же Южина «Пепи» весело щебетала и прыгала девочка — гимназистка Нюта.

Это была — Лешковская.

С тех пор на сцене Малого театра прошла длинная галерея женских типов, созданных ею.

Чем их обобщить, каким цементом создать из них нечто единое?

Одно время любили говорить, что Лешковская хорошо играет «мерзавок».

Пусть в этом определении есть что-то вульгарное, что-то грубое, что никак не мирится с сценическим «обаянием» Лешковской, но в нем есть и нечто от правды, нечто для нее действительно характерное.

Лешковская с изумительным мастерством изображала чувственных хищниц. Не авантюристок, не злодеек, а то кошачье, ту чувственную грацию женщины-самки, которая в плане известных социальных отношений ставила женщину в положение не то «самообороны», не то «мести» поработителю — мужчине.

Вот для такой женщины у Лешковской был огромный запас своих специфически-женских, даже специфически-«женственных» чар, и именно — чар.

ЮБИЛЕЙ Е. К. ЛЕШКОВСКОЙ.

15 мая в Малом театре для 35-летнего юбилея Е. К. Лешковской была возобновлена комедия А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты».

По окончании спектакля состоялось чествование, которое открыл А. И. Южин, прочитав адрес от Малого театра, где отмечалось высокоталантливое мастерство артистки. Затем Е. К. Лешковскую приветствовали многочисленные делегации от московских театров и различных организаций, среди них, между прочим, и красноармейцы дивизии, шефом которой состоит академическое театры. Общество имени А. Н. Островского избрало Е. К. Лешковскую своим почетным членом.

Разве можно забыть Лешковскую — алафиру в «Волгах и овцах». Этого очаровательного, хитрого и красивого «волка» в юбке, умеющего и притвориться смиренницей в черном монашеском одеянии, и через акт в ярко-красном платье в истоме лунной ночи подводить и «ловить в сети» совершенно растаявшего холостяка Лыничева.

А каскад интонаций Лешковской. Легких, неожиданных, радостных, — радостных какой-то особой своей «женской логикой», особой краской звука, особым тембром голоса.

И это несмотря на то, что голос у Лешковской «с трещинкой». Он дрожит. Но и этот, по существу, недостаток она превратила в своеобразную красоту той тремолирующей фразы Лешковской, которой с таким тщанием любили подражать многие актрисы.

* * *

Вот уже лет пятнадцать Лешковская хворает. То поправится, то опять исчезнет на некоторое время. Какой-то рок висит в этом смысле над Малым театром: больна Федотова, больна Никулина, болеет Ермолова, Лешковская.

В юбилейный вечер Лешковская играла Турусину. Когда она показалась на сцене, зал буквально задрожал от аплодисментов, и минут пять взволнованная актриса не могла начать текста роли.

А когда она его начала, долго дрожали ее руки, лихорадочным блеском блестя ли глаза.

И вся Лешковская была в этот вечер, быть может, и счастливая, но какая-то грустная, усталая.

Тихой, осенней улыбкой взволнованности отвечала она на все обращенные к ней слова юбилейных приветствий.

Их было много. И они были искренни.

Зм. Бескин.